

18+

АЛЕКСЕЙ РЕБОРН
БУДНИЧНО

Алексей Реборн

Буднично

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68255032

SelfPub; 2022

Аннотация

Рано или поздно человек привыкает ко всему. Так и Павел, простой офисный работник, привык к тому, что за окном зомби-апокалипсис. Правда, у него нет необходимости искать припасы и сражаться с мародёрами. Цивилизация уцелела, общество адаптировалось, а зомби стали привычным фоном серых будней.

Алексей Реборн

Буднично

– Дорогой, мусор по дороге вынесешь?

– Да, конечно, – сказал Павел и, вздохнув, отставил в сторону копьё.

Эта безобидная просьба снова его расстроила. Придётся надеть рюкзак на обе ляжки, чтобы тот вдруг не сполз, а это нарушение техники безопасности. Положено носить на одном плече. Так его легко бросить, если за него схватятся.

– Вот, держи, – сказала она, шурша пакетом. – Будь осторожен.

– Как обычно, – с улыбкой ответил Павел и, легонько поцеловав жену в губы, взял копьё, пакет с мусором и посмотрел в глазки на двери.

Их было два, один на правой, другой на левой части. Врезаны они были слегка под углом, чтобы можно было рассмотреть всю лестничную клетку. Убедившись, что за дверью никого, Павел вышел из дома, подошёл к лифту, нажал кнопку вызова. Загудели подъёмные механизмы. Спустя пару секунд двери раскрылись на три-четыре сантиметра. Бросив беглый взгляд в кабину лифта (в ней никого не было), Павел нажал кнопку ещё раз и двери открылись до конца. Спустившись на первый этаж, кабина повторила свои манипуляции – сначала небольшая щёлочка, такая, чтобы копьё пролезло,

затем по повторному нажатию кнопки двери открылись полностью.

У выхода из подъезда стояла молодая женщина с коляской, в которой Павел узнал соседку с пятого этажа. Невысокая, миловидная, на вид не старше тридцати, она была одета в серое неприметное пальто. В правой руке у неё было копьё, такое же дешёвое, как и у Павла, да ещё и не по росту длинное.

– Ой, мужчина, вы мне не поможете, – всем видом показывая свою уязвимость, пролепетала соседка. – Я и сама умею, но, боюсь, дочка проснётся.

Павел подошёл к коляске, осмотрел. В дешёвом пластиковом кофре спала очаровательная девочка в розовой шапочке и с пустышкой во рту. Её можно было увидеть лишь через отверстия для воздуха размером с горошину, которыми была усыпана вся крышка. Пластиковые петли, так же не внушавшие доверия, расстроили Павла окончательно. И как отец семейства вот так отпускает жену с ребёнком гулять, уму непостижимо.

– Конечно, помогу. Только отойдите подальше.

Соседка кивнула и, откатив коляску к дверям лифта, стала ждать. Павел как мог аккуратно положил на пол пакет с мусором, чтобы бутылки от вина не гремели об пол, но те всё равно обозначили своё присутствие, несколько раз задорно лязгнув.

«Ну вот, теперь решит, что мы – алкоголики какие-то. Се-

редина недели, а я с бутылками, позорище. Ну и фиг с ним. Наплевать. Можно подумать, мы одни во всём доме в будни прикладываемся», – думал Павел, подходя к двери подъезда, по которой снаружи кто-то лениво стучал.

Взглянув в глазки, он тихо выругался. На этот раз не заблудший – свой. Это был старик с седьмого этажа, недавно вышедший на пенсию. Отличный рассказчик, хохмач и тихий пьяница, не вредивший никому и ничему, кроме собственной печени. Говорили ему, что сейчас не те времена, когда можно заснуть пьяным в парке на лавочке, а проснуться в отделении. Сейчас можно вообще не проснуться. Не слушал никого и вот что вышло. Стоит теперь бледный с тупым пустым взглядом и по двери стучит, соседке выйти не даёт.

– Ну, прости, дядя Миша, – сказал Павел и с силой толкнул дверь от себя.

Старик рухнул на спину, казалось, ни капли тому не удивившись. Его руки с пожелтевшими от курения пальцами лениво тянулись к соседу, рот неспешно открывался и закрывался, словно уже жевал долгожданную тёплую плоть. На его штанах в районе щиколотки отчётливо было видно бурое пятно запёкшейся крови.

– «Ну, хоть сам никого не покусал, и то хорошо», – подумал Павел и хорошо натренированным движением воткнул копьё старику в глаз.

Тот резко обмяк, словно рекламный надувной человечек, у которого отключили насос.

– Ой, спасибо большое, – сказала соседка, уже подкатившая коляску к выходу. – Только можно его куда-нибудь, а то...

– Да-да, секунду, – сказал Павел и, взяв старика за руки, торопливо оттащил его на пару метров от подъезда. Не забыв о манерах, он тут же вернулся обратно и придержал молодой матери дверь, чтобы та могла беспрепятственно выкатить коляску на улицу.

Распрощавшись с соседкой, Павел достал телефон и набрал номер СУМ – «службы утилизации мертвецов». Смердящее у подъезда тело это не эстетично и антисанитарно, поэтому медлить с этим не стоило. Пока шли гудки, Павел направился к станции метро, неспешно, хоть и отставал от привычного графика. За опоздание на работе всё равно ругать не будут, разве что начальник рыкнуть может, но тот всё время на всех рычит, все к этому привыкли.

Когда колл-центр, наконец, ответил, Павел развернулся и пошёл обратно – вспомнил про оставленный в подъезде пакет с мусором. Всё время удивлялся, как соседи могут быть такими свиньями, что не доносят мусор до контейнера, и вот теперь понял почему. Видать, тоже у подъезда с бледными согражданами пересекались, поди после этого не забудь про такую мелочь, как пакет. Но Павел хоть и нашёл оправдание соседям, сам не хотел им уподобляться, потому решил потратить ещё немного времени. Всё равно на работе поймут и не осудят.

В конечном счёте, дорога до станции метро заняла на пятнадцать минут дольше обычного. Приятный женский голос из динамиков на входе возвещал:

– Уважаемые пассажиры. При входе на станцию метрополитена не забывайте надеть защитные колпачки на ваши копыя. В случае опасности переходите на оружие ближнего боя. Будьте внимательны и осторожны. При обнаружении подозрительно бледных личностей, сообщайте машинисту или сотруднику охраны метрополитена.

Павел безглаголиво осмотрел наконечник своего копыя. Пошарив по карманам, он не обнаружил привычной упаковки бумажных салфеток – забыл дома. Пришлось остатки стариковской крови и мозгов вытирать носовым платком. Пластиковый наконечник копыя, изнутри испещрённый мелкими царапинами, отмывать сложнее, а с насморком давно пора что-то делать. В очередной раз пообещав самому себе посетить таки врача, Павел спустился в подземку.

Несмотря на час пик, о давке не было и речи. Большая часть пассажиров расположилась на сидячих местах. Те, кто не был увлечён играми, читали бумажные книги. Такую популярность печатного слова объяснялась практическими соображениями. В случае атаки внезапно обернувшегося пассажира толстое бумажное издание можно было вставить нападающему в зубы, и пока тот пожёвывает суперобложку любимого романа, есть время выхватить нож и всадить обидчику в глаз. С электронной книгой такой фокус не сработает.

ет. Этот нюанс наложил отпечаток на всю индустрию. Издательства стали отдавать предпочтение книгам не меньше пятисот страниц. В свою очередь писатели стали растекаться мыслью по древу ради большего количества текста, и совсем уж невыносимые для прочтения книги стали называть «мокрыми».

Музыку в вагонах метро давно никто не слушал. О причинах такого пренебрежения напоминали большие плакаты с перечёркнутыми в красном круге наушниками, которые можно было встретить повсюду, и в общественном транспорте, и на улицах. Под запрещающим знаком надпись белым по чёрному гласила: «ты не услышишь свою смерть». Павел считал эти плакаты несколько угрюмыми, но правильными. Сколько нерадивой молодёжи было покусано в первые месяцы, пока на входе наушники не стали изымать так же рьяно, как и ножи. Последние, к слову, изымать наоборот перестали, а их цена неприлично подскочила. Чем длиннее был клинок ножа, тем он больше ценился. Наличие гарды считалось обязательным. Порезаться о лезвие в заражённой крови – верная смерть. Павел же не мог похвастаться чем-то подобным. Зарплата офисного работника позволяла купить ему лишь самодельный нож из железнодорожного костыля – большого гвоздя для скрепления рельс со шпалами. В самом начале, когда колюще-режущее стало в резком дефиците, их, костылей, вытащили из ж/д путей столько, что пригородные электрички едва не сходили с рельс.

Павлу оставалось доехать несколько станций, как о себе дала знать бледная тучная женщина лет пятидесяти, на которую все пассажиры вагона косились с тех пор, как она вошла. Сообщать о таких «подозрительно бледных личностях» машинисту, как того требовал голос на входе в метро, было не принято. Вдруг у человека недостаток гемоглобина? Должно быть, у него и справка есть, ведь как-то он прошёл в метро через охрану. Зачем устраивать шум на ровном месте. Однако, это был явно не тот случай. Женщина обильно потела, тяжело дышала, затем и вовсе начала дергаться и рычать.

В отличие от фильмов ужасов, заражённые или укушенные становились кровожадными монстрами ещё до того, как происходила сама смерть. Не было той чёткой точки, в которой обречённый замирал, давая окружающим несколько секунд его оплакать и принять решение, кто же не даст ему возродиться. В реальности этот переход был смазан и, как говорили врачи, у умерших заражённых сердце некоторое время бьётся по инерции.

Когда стало понятно, что тучная женщина вот-вот захочет кем-то перекусить, пассажиры начали переглядываться. Их лица были не встревоженными, а скорее усталыми. Во взглядах читалась немая просьба к окружающим сделать то, чего самим делать не хочется. Это было так же необходимо, но неприятно, как убрать дерьмо за собственной собакой с паркового газона, что многие, собственно говоря, и не делают, хотя должны.

Павел начал было думать, что ему снова придётся делать эту грязную работу. Ему было не сложно, но он не хотел показывать на публике свой дешёвый нож. Его итак часто за него подкалывали, мол, как не стыдно, носить вещь из краденного у железной дороги гвоздя. Когда Павел уже решил было его вытащить и покончить с этим, в дело вмешался оторвавшийся от книги мужчина в кожаной куртке с длинными волосами. Он выхватил свой нож, длинный, широкий, с отделанной кожей рукояткой и вонзил его рычащей женщине в глазницу. Та притихла, и по салону пошёл неприятный запах посмертных испражнений. Сидевшие по бокам от заражённой пассажиры только в этот момент встали и отошли подальше. Молодая девушка, стоявшая у дверей, издала короткое «фу» и продолжила набирать текст на телефоне.

– Чего «фу», машинисту позвони, – сказал девушке мужчина, вытирая нож о бумажную салфетку.

Убрав телефон в карман, та сделала недовольную гримасу, говорящую что-то вроде «нечего тут командовать», но всё же нажала на кнопку экстренной связи и тонким голосом затараторила:

– Алло, машинист. У нас тут толстуха преставилась. Скажите, чтоб её забрали. И носилки пусть побольше возьмут.

Старушка, сидевшая напротив мертвой женщины, громко хмыкнула, мол, ну что за молодёжь невоспитанная пошла, но на этом её возмущение иссякло, и она вновь продолжила читать. Павел же отвернулся в другую сторону и стал рассмат-

ривать схему метро. Ближайшая станция была недалеко от предыдущей, и труп должны были забрать быстро. Мысленно этому порадовавшись, Павел достал телефон. На экране светилось сообщение от жены: «ну, как дорога». В ответном сообщении он написал: «да как обычно, буднично».

Добравшись до офиса, Павел отметил, что опоздал не на пятнадцать минут, как думал, а на все двадцать. Тучную женщину из вагона довольно долго выносили двое несчастных рабочих из ближнего зарубежья, отдуваясь и матерясь то на родном, то на русском языках. Оставив копьё в именной ячейке на входе, Павел поздоровался с коллегами, сел за свой компьютер, нажал на кнопку включения. Экран загорелся, зашумели кулера в системном блоке. Миниатюрные колонки заиграли короткую приятную мелодию.

– Опаздываешь, Паш. Пётр Семёныч опять на тебя рычать будет, – сказал сидящий за соседним столом коллега.

– Ну, он начальник. Раз хочется, пусть рычит, – со смехом ответил Павел.

– Правда это выглядеть теперь будет совсем не убедительно. На него кто-то новогоднюю шапку напялил, – хрюкнув от смеха, сказал коллега.

– Да ладно? До нового года же ещё полтора месяца, – рассмеялся Павел, представив начальника в шапочке Деда-Мороза.

– Не веришь, сам посмотри, – сказал коллега, и они вместе пошли к кабинету, отделённому от остального офиса про-

зрачными перегородами.

Внутри, привязанный к кожаному креслу на колесиках, сидел бледный мужчина с большим круглым животом. Он с энтузиазмом рычал на смотрящих на него работников, открывая и закрывая рот в робкой надежде их укусить. Привязанные к подлокотникам руки энергично дёргались влево-вправо. От энергичности движений праздничная бело-красная шапочка начала сползать ему на глаза.

– Как думаешь, в головном скоро догадаются, что Семёныч помер? – спросил Павел коллегу.

– Чёрт его знает, – пожал тот плечами. – Он же всю жизнь твердил, что у него ни жены, ни детей нет. «На работе помру, и вам того желаю», – его же слова. А как помер, ничего же не изменилось. Наши канцтовары как продавались, так и продаются. Продавцы, бухгалтерия, грузчики свою работу делают. Этот тоже старается, вон, руководит, на работников рычит, всё как обычно. А если человек и после смерти исправно работает, чего ему мешать. И головному такой маловажный факт как мёртвость сотрудника знать не обязательно.

– И то верно, – засмеялся Павел. – Вот только вешать эту табличку на дверь я бы всё же не стал. С головного рано или поздно приедут, увидят, все по шее получим.

– Нет-нет, пусть висит. Слова-то правильные, – постучав по табличке на начальной двери, сказал Павлу коллега.

На табличке было написано:

«Руководить – это значит не мешать хорошим людям ра-

ботать».

Сергей Петрович Капица.